

Наджиба Ильгар кызы Мустафаева

К вопросу о реформе ООН в условиях новых вызовов XXI века

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

ООН, Совет Безопасности, реформа, мир и безопасность, права человека, ответственность по защите

STUDIA I ANALIZY

Вопрос реформирования Организации Объединенных Наций (далее – ООН) обсуждается на протяжении существования самой ООН, назрев буквально с момента ее создания, фактически же развернувшись при Генеральных секретарях Бутросе Бутросе-Гали и Кофи Аннানে.

Призывы к реформе ООН связаны в основном с двумя ключевыми аспектами: структурными преобразованиями бюрократического аппарата, которым она «обросла» за годы своего существования, а также ролью, которую она призвана играть в современных международных отношениях.

Задаваясь вопросом о том, выполнила ли ООН, созданная в ответ на ужасы фашизма, совершенные в годы Второй мировой войны, свое основное предназначение, с сожалением приходится констатировать тот факт, что она все же не «избавила грядущие поколения от бедствий войны», что было торжественно провозглашено в ее Уставе. Агрессия против территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ суверенных государств, преступления против человечности и военные преступления, страшные последствия политики геноцида выявили фактическую несостоятельность ООН, как универсального центра международной политики, ответственного за обеспечение международного мира и безопасности¹.

¹ Н.И. Мустафаева, *Реформа ООН: мир, безопасность и права человека*, Москва 2017, с. 8–9.

Окончание Холодной войны породило хрупкие надежды на возможность коллективных международных действий в целях обеспечения международного мира и безопасности. Единодушное осуждение агрессии Ирака против Кувейта в 1990 г. и формирование широкой международной коалиции для осуществления военной операции под эгидой ООН стало возможным благодаря начавшемуся преодолению биполярной конфронтации². Однако эти надежды не оправдались в случаях с операциями в Сомали, Гаити, Руанде и бывшей Югославии, вызвав осуждение мирового сообщества и критику доктрины «справедливой войны»³.

Все эти годы ООН безрезультативно пыталась повлиять на кризисные и конфликтные ситуации постфактум, т.е. уже после их возникновения. Сегодня же, как никогда ранее опасно дожидаться одной лишь запаздывающей реакции ООН, выражающейся в основном в формальном обсуждении той или иной кризисной ситуации. Необходима большая сосредоточенность ООН на нейтрализации новых вызовов и угроз, включая в том числе, разработку и применение превентивных мер⁴.

В своей речи на церемонии приведения к присяге при вступлении в должность Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш особо подчеркнул, что «предотвращение не является новой концепцией; это то, что основатели ООН просили нас делать. Это наилучший способ спасения жизней и уменьшения человеческих страданий. В тех ситуациях, когда предотвратить конфликты не удалось, мы должны прилагать больше усилий для их разрешения»⁵.

Очевидно, что успех в этом направлении лежит в плоскости реформы Совета Безопасности ООН, как главного органа, ответственного за поддержание международного мира и безопасности, небезосновательно подвергающегося критике на протяжении многих лет.

² А.В. Торкунов, А.В. Мальгин (ред.), *Современные международные отношения*, Москва 2012, с. 47.

³ Н.И. Мустафаева, *«Апокалипсис» международного права в постбиполярном мире: от хаоса к ренессансу*, Russian International Affairs Council, URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/global-governance/apokalipsismezhdunarodnogo-prava-v-postbipolyarnom-mire-ot-khaosa-k-renessansu/?clear_cache=Y (дата обращения: 10.11.2017).

⁴ Ю.Н. Малеев, *Организации Объединенных Наций – 60 лет. Сколько еще?*, «Международное право» 2005, № 3 (23).

⁵ Речь на церемонии приведения к присяге при вступлении в должность Антониу Гутерриша, Официальный сайт ООН, URL: <https://www.un.org/sg/ru/content/sg/speeches/2016-12-12/secretary-general-designate-ant%C3%B3nio-guterres-oath-office-speech> (дата обращения: 12.10.2017).

Реформа Совета Безопасности: есть ли свет в конце туннеля?

Проблема реформирования Совета Безопасности ООН обсуждается уже более пятнадцати лет, охватывая два основных направления ожидаемых преобразований, а именно – совершенствование структуры Совета Безопасности, преимущественно за счет расширения его членского состава, а также реформу рабочих методов, используемых Советом в своей деятельности, включая институт права вето.

Не вызывает сомнений тот факт, что изменившаяся международно-политическая обстановка актуализировала вопрос наибольшей географической представленности в главном органе ООН, ответственном за поддержание международного мира и безопасности. Более того, концепция «многополярного мира» может получить подлинное развитие при условии представительства в Совете Безопасности государств, претендующих на роль региональных лидеров или уже являющихся таковыми. Это, в свою очередь, способствовало бы укреплению роли ООН и формированию эффективной системы международной безопасности.

Наиболее активными сторонниками расширения Совета Безопасности до недавнего времени являлись Германия, Япония, Индия и Бразилия («группа четырех»), энтузиазм которых заметно угас на фоне безрезультативности предпринимаемых попыток. При этом, с учетом необходимости поддержки в этом вопросе постоянных членов Совета Безопасности, можно предположить, что скромными шансами быть представленными в Совете обладает Германия, как экономический «тягач» и бесспорный лидер ЕС⁶, а также крупнейший акционер Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития, вносящего вместе с Японией треть финансовых взносов в ООН. Кроме финансового аспекта, возросла роль Германии и в поддержании мира, в частности на фоне разразившегося миграционного кризиса в Европе. Шансы Германии могут заметно возрасти и вследствие Брексита, т.к. после выхода Великобритании из ЕС, в Совете Безопасности остается лишь один член Евросоюза – Франция, которая не может претендовать на ту роль, которую играет Германия в международных отношениях. При этом речь не идет о перспективе непосредственного расширения числа постоянных членов Совета Безопасности, иллюзорность которой была доказана на протяжении последних 10–15 лет. Скорей возможен формат «5+1» (США, Россия, Великобритания, Франция и Китай + Германия), задействованный

⁶ З. Бжезинский, *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы*, Москва 2014, с. 57.

к примеру, в 2013 году в целях предотвращения использования иранской ядерной программы в военных целях⁷.

Очевидно, что структурные изменения Совета Безопасности не окажут существенного влияния на эффективность его работы, т.к. право вето по-прежнему будет использоваться каждым из его постоянных членов, увеличение числа которых еще больше усложнит вопрос достижения консенсуса. В такой ситуации создание дополнительных непостоянных мест с правом продления сроков их членства в Совете может оказаться более жизнеспособным и реалистичным нововведением для изменения практики, существующей на протяжении более 70 лет.

Право вето vs. «консенсус минус один»

Вполне ожидаемо в контексте реформенных преобразований в ООН наиболее дискуссионным оказался вопрос права вето постоянных членов Совета Безопасности, который часто именуют «камнем преткновения» в вопросе реформы Организации. Право вето, «призванное обеспечивать сбалансированный характер принимаемых Советом Безопасности решений», нацелено на избежание принятия односторонне выгодных, не отражающих общие интересы мирового сообщества, решений⁸.

Однако зачастую использование права вето постоянными членами Совета было продиктовано не коллективными соображениями в целях поддержания международного мира и обеспечения безопасности, а сугубо геополитическими интересами в определенных странах и регионах мира. Наглядным тому примером служат «баталии», развернувшиеся в рамках Совета Безопасности ООН в контексте событий «арабской весны», ознаменовавшей новые сложности в работе этого органа.

А недавнее голосование по статусу Иерусалима, в ходе которого США, воспользовавшись правом вето, заблокировали проект резолюции о непризнании изменения статуса Иерусалима, подготовленный Египтом и единогласно поддержанный всеми членами Совета Безопасности⁹, еще раз про-

⁷ «Реформа Совета Безопасности ООН мертва», Разговор с Ричардом Гоуэном об ООН в эпоху Трампа, *Международная политика и общество*, URL: <http://www.ipg-journal.io/intervju/statja/show/reforma-soveta-bezopasnosti-oon-mertva-379> (дата обращения: 17.11.2017).

⁸ В.А. Карташкин, *Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке*, Москва 2015, с. 26–27; В. Fassbender, *UN Security Council reform and the right of veto: a constitutional perspective*, Kluwer Law International 1998.

⁹ *US outnumbered 14 to 1 as it vetoes UN vote on status of Jerusalem*, The Guardian, URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/dec/18/us-outnumbered-14-to-1-as-it-vetoes-un-vote-on-status-of-jerusalem> (дата обращения: 21.12.2017).

демонстрировало факт необоснованного использования права вето, которое угрожает препятствием на пути справедливого урегулирования палестино-израильского конфликта и представляет новую угрозу всему ближневосточному региону.

Для искоренения подобной практики может быть задействована процедура «консенсус минус один», которая в свою очередь, потребует внесения изменений в Устав ООН, на которые вряд ли согласится «пятерка» постоянных членов Совета Безопасности.

Вместе с тем, необходимо понимать, что при оценке деятельности Совета Безопасности и принятия решения о его реформе главным критерием должен выступать не «количественный» подход, а эффективность его работы. ООН же эффективна настолько, насколько ей позволяют это государства-члены, в первую очередь, пять постоянных членов Совета Безопасности, от которых, по сути, и зависит успех ее реформы. При этом главным вопросом реформенного процесса Совета Безопасности должна быть проблематика неисполнения его резолюций, имеющих юридически обязательный характер для всех государств. Так, более 100 резолюций Совета Безопасности ООН остаются неисполненными на протяжении 50 лет, несмотря на то, что Устав ООН наделяет Совет Безопасности правом на применение временных и принудительных мер в отношении государств, игнорирующих предписания его решений¹⁰. Не вызывает сомнений тот факт, что главная причина недостаточной эффективности Совета заключается именно в его неспособности в ряде случаев обеспечить осуществление своих резолюций, что в свою очередь не только сказывается на авторитете ООН, но и представляет угрозу международному миру и безопасности.

Президентство Трампа и кризис в отношениях США и ООН

Президент США Дональд Трамп неоднократно обращался с жесточайшей критикой в адрес ООН, обвиняя ее в неэффективной деятельности для разрешения глобальных проблем. После победы на выборах, новоизбранный президент обещал сфокусироваться на реформе и оптимизации расходов ООН, в связи с чем, созвал совещание «всех заинтересованных сторон» в период осенней сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2017 года, на которой состоялся его дебют. США представили на рассмо-

¹⁰ Н.И. Мустафаева, *Санкционный механизм Совета Безопасности ООН: проблема исполнения резолюций и необходимость реформы*, [в:] *Сборник тезисов XIV Международной научно-практической конференции молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права»*, Москва 2015, с. 273.

трение политическую декларацию в поддержку реформы ООН, открытую для подписания всеми желающими государствами. В документе, который не является юридически обязывающим нормативно-правовым актом, говорится о «поддержке усилий генсека ООН Антониу Гутерриша повысить эффективность работы организации» в духе приверженности всех стран к повышению доверия к этой международной площадке, а также о «поддержке намерений Гутерриша усилить планирование бюджета, что позволит повысить предсказуемость расходов и их прозрачность»¹¹.

Вопрос финансирования, помимо «сокращений дублирующих и частично повторяющих друг друга функций и структур ООН», является приоритетным в реформенном плане Трампа. Обращая внимание на неэффективность использования ее бюджета, Президент США предлагал сократить расходы ООН, которые, по его мнению, «совершенно вышли из-под контроля»¹². «ООН обладает великим потенциалом, но сегодня является всего лишь клубом для дружеских встреч, разговоров и приятного времяпрепровождения», – писал он в своем Twitter-аккаунте¹³.

Кризис в отношениях США и ООН наступил после продолжения ядерных испытаний КНДР, не взирающей на санкции, предусмотренные резолюциями Совета Безопасности, апогей которого пришелся на голосование в Генеральной Ассамблее ООН по резолюции о признании не имеющим юридической силы одностороннего решения Трампа о признании Иерусалима столицей Израиля. Накануне голосования Трамп, а также постпред США в ООН Никки Хейли пригрозили сокращением финансирования государствам, которые поддержат проект резолюции, а также самой ООН. Не смотря на эти угрозы, а также громогласные заявления американской стороны «об оскорблении, которое не будет забыто» применительно к вышеупомянутой резолюции Совета Безопасности, заблокированной США¹⁴, за резолюцию Генеральной Ассамблеи проголосовали 128 государств-членов организации. Ответный удар США, являющихся главным донором организации (22%

¹¹ Глава ООН рассказал о реформе ООН; Трамп выразил свою поддержку, Центр новостей ООН, URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=28574#.WncaHqhl_IU (дата обращения: 02.10.2017).

¹² Декларацию Трампа о реформе ООН поддержали почти 130 стран, РБК, URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/09/2017/59bf86769a7947c575328cd2> (дата обращения: 28.12.2017).

¹³ См.: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/813500123053490176>

¹⁴ Хейли: США считают оскорблением проект резолюции СБ ООН по Иерусалиму, РИА-Новости, URL: <https://ria.ru/world/20171218/1511212996.html> (дата обращения: 21.12.2017).

основного бюджета ООН), не заставил себя долго ждать: Вашингтон намерен сократить помощь ООН на 285 миллионов долларов¹⁵.

Язык шантажа постоянного члена Совета Безопасности ООН, грозящего аннулированием сделки по ядерной программе Ирана и войной с КНДР, а также отказавшегося от Парижского соглашения по климату, является проявлением неприятия руководством США идеи коллективного решения проблем международного мира и безопасности, заложенной отцами-основателями ООН в ее Устав. Желание США «поставить» ООН на службу своим интересам «в лучших традициях» однополярного мира неизбежно сталкивается с современными реалиями многополярного мира, в котором баланс сил обеспечивается в том числе и Советом Безопасности ООН, постоянные члены которого исходят из различных представлений о мире и безопасности. Как справедливо отмечает профессор Рейн Мюллерсон, «происходит столкновение этих разных представлений о мире», в связи с чем «ООН стала менее эффективной организацией, чем в 1990-е годы, и вовсе не из-за проблем с Секретариатом или заорганизованностью», а из-за разных представлений «крупных игроков о нынешнем мире», и еще больших расхождений «в своих воззрениях на будущий, формирующийся мир»¹⁶.

Ответственность по защите vs. «война всех против всех»

Бездействие Совета Безопасности и разногласия между его постоянными членами приводят к тому, что государства продолжают практиковать применение военной силы в одностороннем порядке зачастую под ширмой «гуманитарных целей».

Апогей доктринального интереса к проблеме гуманитарных интервенций приходится на 1950 – 80-е гг. XX века, что связано с многочисленными случаями применения военной силы государствами в одностороннем порядке, в частности в Конго, Доминиканской Республике, Восточном Тиморе, Гренаде и др.¹⁷ В первой половине 90-х гг. интерес к этой проблеме возрос и был связан с вышеупомянутой военной операцией Объединенных воору-

¹⁵ *Ambassador Haley on the United States Negotiating a Significant Reduction in the UN Budget*, United States Mission to the United Nations, URL: <https://usun.state.gov/remarks/8243> (дата обращения: 28.12.2017).

¹⁶ Р. Мюллерсон, *Реформа и проблема завышенных ожиданий*, «Валдай», Международный дискуссионный клуб, URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/reforma-oon-problema-zavyshennykh-ozhidaniy/> (дата обращения: 20.12.2017).

¹⁷ Т. Герард, *Гуманитарная интервенция и гуманитарная помощь: эхо прошлого и перспективы*, «Белорусский журнал международного права и международных отношений» URL: <http://evolutio.info/content/view/193/49/> (дата обращения: 16.09.2017).

женных сил в Ираке и действиями, направленными на защиту гражданского населения после нападения Ирака на Кувейт, которая на время породила надежду на возможность объединения коллективных усилий государств под эгидой ООН в целях ответа на агрессию и массовые нарушения прав человека. Однако операции в Сомали, Гаити, Руанде и бывшей Югославии не оправдали этих надежд и вызвали критику так называемой «гуманитарной интервенции».

Как отмечают Гэрет Эванс и Мохамед Сахнун, сопредседатели Комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, «для одних этот новый вид активности был весьма запоздавшим проявлением интернационализации человеческой совести, для других – вызывающим тревогу нарушением международного государственного правопорядка, основанного на суверенитете государств и неприкосновенности их территории»¹⁸.

Вопрос правомерности так называемой «гуманитарной интервенции» актуализировал дискуссию о балансе двух императивных принципов международного права (*jus cogens*) – государственного суверенитета и защиты прав человека. Суть дискуссии сводилась к тому, «обладают ли государства безусловным суверенитетом во внутренних делах», и «уполномочено ли международное сообщество реализовывать военное вмешательство на территории суверенных государств в гуманитарных целях».

Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, созданная правительством Канады, подготовила доклад, озаглавленный «Ответственность по защите» (от англ. *the responsibility to protect/R2P*), в котором указывалось, что «суверенитет не только предоставляет государствам право контролировать свои внутренние дела, но также налагает непосредственную ответственность по защите людей, проживающих в пределах границ этих государств». В соответствии с положениями документа, «в случае неспособности государства (ввиду отсутствия возможностей либо воли) защитить людей, предлагается передать ответственность по их защите международному сообществу»¹⁹.

Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам среди основных критериев, призванных легитимировать применение Советом Безопасности ООН применения военной силы в случаях совершения международных преступлений, предотвратить которые государства не смогли или не пожелали, закрепляет «серьезность угрозы, «факт того, что применяемая

¹⁸ *The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty*, URL: responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf (дата обращения: 12.12.2017).

¹⁹ Там же.

мера является «крайним средством», а также «пропорциональность ответных мер»²⁰.

В Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года государства-члены ООН официально признали «принцип ответственности каждого государства защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности». В документе, в частности, указывается, что международное сообщество, действуя через ООН, обязано также «использовать соответствующие дипломатические, гуманитарные и другие мирные средства в соответствии с главами VI и VIII Устава для того, чтобы содействовать защите населения от этих преступлений. Впоследствии, если такие меры окажутся недостаточными и если национальные власти явно не в состоянии защитить свое население от этих преступлений, международное сообщество готово предпринять коллективные действия своевременным и решительным образом – через Совет Безопасности ООН и в соответствии с главой VII Устава ООН, с учетом конкретных обстоятельств и в сотрудничестве с соответствующими региональными организациями»²¹.

В свете последних событий международной жизни, в частности, «арабской весны», можно говорить о новом вызове системе глобального управления в рамках ООН, последствия которой, как уже было отмечено, ознаменовали новые сложности в работе Совета Безопасности, связанные, в том числе с доктриной «ответственности по защите» (R2P). Главная сложность заключается в различной правовой интерпретации новой концепции со стороны «пятерки» постоянных членов в контексте примата прав человека (США, Франция и Великобритания) в противовес государственному суверенитету (Россия, Китай). Суть расхождений – возможность реализации военных операций в соответствии с третьим ключом концепции «ответственности по защите», когда действующее национальное правительство расценивается как «неспособное защищать свой народ от массовых преступных нарушений прав человека».

В таких условиях концепция R2P, которая могла бы стать основой реформенного процесса в ООН, не будет эффективной и в итоге, может использоваться в целях произвольных военных интервенций, практику которых она была нацелена искоренить.

²⁰ *Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам*, URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/602/33/PDF/N0460233.pdf?OpenElement> (дата обращения: 23.11.2017).

²¹ *Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года*, Организация Объединенных Наций, URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения: 23.11.2017).

Более того, концепция «ответственности по защите» оказывает влияние и на международное уголовное правосудие, в частности в вопросах привлечения к международной уголовной ответственности физических лиц, виновных в совершении международных преступлений.

В этой связи, необходимо напомнить, что в 2002 году вступил в силу Статут Международного уголовного суда, обладающий юрисдикцией в отношении «лиц, ответственных за вызывающие озабоченность всего международного сообщества преступления». К таким преступлениям Статут относит преступления геноцида, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии. Как и в практике послевоенных трибуналов (Нюрнбергский и Токийский трибуналы) и судов *ad hoc* (по бывшей Югославии и Руанде), иммунитет должностного лица, принадлежащий ему в соответствии с национальным или международным правом, не может быть препятствием для привлечения его к уголовной ответственности²². Необходимо особо подчеркнуть тот факт, что практика международных уголовных судов обеспечила возможность преследования за международные преступления, а также привлечения к международной уголовной ответственности физических лиц, непосредственно на основе международного права. Вместе с тем, эффективность деятельности Суда во многом обусловлена решительностью государств сотрудничать в этой сфере, в связи с чем, политически мотивированные решения государств об уклонении от сотрудничества с МУС могут негативно сказаться на его эффективности.

Реформа ООН – безопасное будущее человечества

Мир меняется, и ООН необходимо совершенствоваться так, чтобы соответствовать задачам, которые стоят сегодня перед человечеством. Вопрос реформы ООН актуален как никогда ранее, и прежде всего для того, чтобы своевременно и эффективно реагировать не только на происходящее, но и на причины их возникновения.

При этом не представляются целесообразными призывы к отказу от ООН и замены ее новыми международными институтами (к примеру, «Союз демократий»). Безусловно, сегодняшний мир нуждается в новом универсальном центре международной политики. И этот центр – обновленная, реформированная ООН, а не новая международная организация, которая может рас-

²² Rome Statute of the International Criminal Court, URL: https://www.icc-cpi.int/nr/rdonlyres/ea9aeff7-5752-4f84-be94-0a655eb30e16/0/rome_statute_english.pdf (дата обращения: 07.12.2017).

колоть существующий мировой порядок и привести к полному нарушению баланса сил в международных отношениях.

Таким образом, в ходе принятия реформенных решений следует исходить из необходимости сохранения международного статуса этой организации. Достижение этой цели возможно при обеспечении максимально широкого согласия среди государств-членов по всем направлениям намеченных преобразований, которым при этом необходимо проявить политическую волю и приложить максимум усилий для претворения в жизнь этой судьбоносной миссии.

РЕЗЮМЕ

В постбиполярном стремительно глобализирующемся мире ООН продолжает оставаться универсальным центром международной политики. Изменившийся после распада Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений международно-политический ландшафт, во многом является причиной того, что Совет Безопасности ООН, как главный международный орган, ответственный за поддержание международного мира и безопасности, не отражает соотношение сил на международной арене и не соответствует задачам, продиктованным новыми вызовами и угрозами XXI столетия. Совет Безопасности ООН (как и другие международные институты) своевременно не принимает эффективных решений по вопросам обеспечения международного мира и безопасности, более того зачастую оказывается и вовсе парализованным, в частности, в тех случаях, когда обсуждаемая проблематика затрагивает интересы «пятерки» его постоянных членов. В таких условиях вопрос реформы ООН приобретает новую актуальность, от успеха которой зависит будущее самого человечества.

Najiba Ilgar kizi Mustafayeva

THE REFORM OF THE UNITED NATIONS IN THE CONTEXT OF NEW CHALLENGES OF THE XXI CENTURY

The United Nations remains to be a universal international platform for a cooperation of sovereign states in the post-bipolar globalizing world. The collapse of the Yalta-Potsdam system of international relations led to the reality that the UN Security Council, as a main international body responsible for maintaining international peace and security, doesn't reflect the current balance of force, as well as doesn't meet the tasks dictated by the new

challenges and threats of the XXI century. The UN Security Council is often paralyzed when the issues discussed affect the interest of the permanent states of the Council. Thus, the reform of the United Nations acquires a new urgency, the success of which may determine a safe future of the mankind.

KEY WORDS: *United Nations, reform, peace and security, human rights, the responsibility to protect*

Библиография

- Z. Brzezinski, *The Great Chessboard. America's Dominance and its Geostrategic Imperatives*, Moscow 2014.
- B. Fassbender, *UN Security Council reform and the right of veto: a constitutional perspective*, Kluwer Law International 1998.
- T. Gerard, *Humanitarian Intervention and Humanitarian Aid: Echo of the Past and Prospects*, «Belarusian Journal of International Law and International Relations» 1998, No. 4.
- V.A. Kartashkin, *United Nations Organization and International Protection of Human Rights*, Moscow 2015.
- Yu. N. Maleev, *The United Nations – 60 years. How much longer?*, «International Law» 2005, No. 3 (23).
- Modern International Relations* / ed. A.V. Torkunova, A.V. Malgina. Moscow 2012.
- N.I. Mustafayeva, *UN Reform: Peace, Security and Human Rights*, Moscow 2017.
- N.I. Mustafayeva, *Sanction Mechanism of the UN Security Council: the Problems of the Implementation of Resolutions and the Need for Reform*, [in:] *Collected Theses of the XIV International Scientific and Practical Conference of Young Scientists*, “Traditions and Innovations in the System of Modern Russian Law”, Moscow 2015.